

РАВВИНСКІЙ СУДЪ.

Ich wollte, dass nach der Stufe unserer Cultur wir Alle das so oft verspottene Gottesregiment haben könnten; denn es ist gerade, was alle Menschen wünschen, worauf alle Weisen gearbeitet haben, und was man allein und so frühe schon auszuführen das Herz hatte, dass das Gesetz hersche und kein Gesetzgeber, dass eine freie Nation es frei annehme und villig befolge, dass eine unsichtbare, vernünftige und wohlthätige Macht uns lenke und nicht Ketten und Bande. Dies war die Idee Moses, und ich wüsste nicht, ob es eine reinere, höhere gebe.

Гердеръ.

Читателямъ памятна тревога, поднятая въ 1870 году, въ извѣстной части периодической печати, по поводу «разоблаченій тайнъ еврейскаго міра», сдѣланныхъ знаменитымъ фокусникомъ хамелономъ, г. Брафманомъ. Между прочими ужасами, выставленными на показъ въ калейдоскопѣ «талмудически-республиканскихъ» монстровъ, съ не малой яростью накинулись на еврейскій самосудъ. Г. Брафманъ повѣдалъ міру, что евреи, не смотря на всѣ усилия сдѣлать ихъ полными гражданами страны, въ которой они живутъ уже столько вѣковъ, сохранили до сихъ поръ свое отдельное общественное и даже государственное устройство, между прочимъ и свой собственный бесдинъ (судъ раввиновъ), хотя законъ такого суда не признаетъ, а считаетъ евреевъ подвѣдомственными общимъ для всѣхъ гражданъ судебнымъ мѣстамъ. Не ясно-ли изъ этого слѣдуетъ, что относительно евреевъ всегда останется вѣрной пословица: «какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсь смотрить», и поэтому попытки къ эманципаціи ихъ должны быть отложены до тѣхъ поръ, пока сами они не измѣнить своей внутренней общественной организаціи? Евреи домогаются уничтоженія внѣшнихъ преградъ къ ихъ гражданскому равенству; но пусть они прежде выкажутъ себя

достойными этого, уничтоживъ предварительно свой кагаль, бесьдинъ, хазаку и какъ ихъ тамъ еще называютъ—такъ твердять въ унисонъ «Голосъ» и его сверстники по разработкѣ брафмановскихъ открытій. Прочитавъ такія глубокомысленныя статьи, приправленныя тарабарскими словами въ родѣ «хезкатъ-ишубъ», «меропіэ» и т. под., несвѣдущій читатель, особенно нееврей, склоняется къ той мысли, что въ еврейскомъ мірѣ происходятъ такія диковинныя вещи, какихъ «ни первомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать», и что то, что «Голосъ» проповѣдуетъ, «можеть оно тамъ такъ и нужно». Но мы съ своей стороны думаемъ иначе; намъ кажется, что въ еврейскомъ мірѣ происходить какъ разъ тоже самое, чему можно находить примѣры въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ, даже такихъ, которые не приходили ни въ какое соприкосновеніе съ «избраннымъ народомъ» и потому не могли позаимствовать у него кагальной премудрости. И такъ какъ каждому человѣку прирождено желаніе убѣдить другихъ въ томъ, во что онъ самъ вѣруетъ, я попытаюсь изложить предъ читателемъ тѣ основанія, по которымъ я расхожусь съ плеядой Брафмана во взглядѣ на еврейскій самосудъ. Впрочемъ, мнѣ придется возражать здѣсь не противъ однихъ брафманистовъ. Еще сто лѣтъ тому назадъ, во времена очаковскія и покоренія Крыма, одинъ изъ нашихъ поэтовъ, какъ будто предвосхитившій идеи «Голоса», именно Державинъ (въ своей запискѣ о евреяхъ, напечатанной въ «Архивѣ» Калачова за 1860 годъ), излилъ свое негодованіе на еврейскій судъ, причемъ съ соболѣзваніемъ замѣтилъ, что многіе «мало-мысленные» христіане охотно обращаются къ раввинамъ за разбирательствомъ споровъ. А если порыться въ архивахъ исторіи, то найдемъ еще болѣе древнія, и потому болѣе почтенныя, если можно такъ выразиться, нападки на этотъ судъ. Такъ еще въ древней римской имперіи народные проповѣдники нападали на судъ раввиновъ и угрожали гееннѣ за обращеніе къ нему. Но нападки эти, какъ кажется, не имѣли большаго успѣха, ибо изъ многихъ историческихъ памятниковъ видно, что еще въ пятомъ вѣкѣ по Р. Х. христіане нерѣдко обращались къ раввинамъ для разбирательства гражданскихъ споровъ.

Гдѣ же слѣдуетъ искать причину того, что раввинскій судъ оказалъ такую замѣчательную стойкость въ борьбѣ съ неблагопріятными для него виѣшними условіями и удержался до новѣйшаго времени? Дѣйствительно ли причина эта заключается въ упорной приверженности евреевъ ко всему старинному, въ настойчивомъ стремленіи ихъ удержать во что бы то ни стало свои національныя учрежденія, не смотря на внутреннюю ихъ несостоятельность? Еслиъ это было такъ, то исторія еврейскаго самосуда составляла бы изъятіе изъ общаго закона, выработаннаго общественной наукой, по которому всякое учрежденіе живетъ и развивается лишь до тѣхъ поръ, пока оно имѣть прочныя основанія въ нуждахъ и потребностяхъ выросшаго его общества. Потерявъ эти основанія съ измѣнившимися обстоятельствами, оно не можетъ долѣе существовать даже при сильной поддержкѣ; и наоборотъ, пока оно имѣть подъ собою твердую почву, постороннее вліяніе можетъ только видоизмѣнять объемъ и характеръ его дѣятельности, но не въ состояніи совершенно ее парализовать. Примѣня эти общія правила къ занимающему нась частному явленію, намъ необходимо разрѣшить одинъ главный вопросъ: нельзя ли найти разумныхъ оснований долговѣчности раввинскаго суда, столь несоответствующаго, повидимому, ни современнымъ понятіямъ о судѣ и правѣ, ни соціальному положенію евреевъ въ новыхъ государствахъ? На мысль о существованіи такихъ разумныхъ основаній этого явленія наводить, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что дѣятельность раввинской юрисдикціи, какъ замѣчено выше, не ограничивалась, покрайней мѣрѣ въ прежнее время, исключительно еврейскимъ міромъ, а прибѣгали къ ней и неевреи. Въ самомъ дѣлѣ, если пристрастіе евреевъ къ своему самосуду можно еще объяснить не внутренними его достоинствами, а просто духомъ исключительности, да пожалуй сподручностью и удобствомъ,—то какъ прикажете приложить это объясненіе къ тяжущимся неевреямъ, добровольно предстающимъ предъ трибуналъ иновѣрнаго духовнаго лица для разбора своихъ претензій? Здѣсь не только не мыслимо никакое пристрастіе къ суду раввиновъ, но, наоборотъ, всегда можно предположить сильное предубѣжденіе противъ него; и очевидно, что только серьезныя до-

стоинства еврейского суда могли побороть это предубѣжденіе. Нечего и говорить о томъ, что объясненіе этого факта «малосмысленностью» народа могло удовлетворить только такого классически-навиаго и недальновиднаго человѣка, какимъ былъ (какъ извѣстно) Державинъ. У людей менѣе легковѣрныхъ подобное объясненіе можетъ вызвать только улыбку. Поэтому, постараемся отвѣтить на поставленный вопросъ болѣе вѣсскими соображеніями, насколько это возможно въ бѣглой газетной статьѣ. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду единственную гражданскую юрисдикцію раввиновъ, которая одна удержалась до новаго времени, тогда какъ уголовная отнята у раввиновъ еще древними римлянами и съ тѣхъ поръ не признавалась за ними въ европейскомъ мірѣ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что судъ раввиновъ былъ не подпольнымъ учрежденіемъ въ родѣ извѣстныхъ фемгерихтовъ, какимъ рисуетъ его г. Брафманъ, а официально признавался государственной властью. Такъ сохранилось нѣсколько эдиктовъ римскихъ императоровъ въ юстиніановомъ кодексѣ, которыми признано за евреями право судиться у своихъ раввиновъ. При медленности и письменности судопроизводства у проконсуловъ въ позднѣйшій періодъ римской исторіи и при усилившихся въ византійской имперіи предубѣжденіяхъ противъ евреевъ, право это было для нихъ не только истиннымъ благодѣяніемъ, но необходимымъ условіемъ существованія. Право это было признаваемо за евреями и германскими императорами. Такъ въ одной дошедшей до насъ грамотѣ Генриха III отъ 1090 года говорится о евреяхъ слѣдующее: *quod si Iudei litem inter se aut causam habuerint discernendam, a suis paribus et non ab alienis convincantur et iudicentur* (если евреи будутъ имѣть между собой тяжбу для разбирательства, они должны быть судимы и разбираемы равными себѣ, а не чужими). Мы привели подлинный текстъ этой грамоты потому, что онъ бросаетъ новый свѣтъ на исторической смыслѣ раввинскаго суда. Слова *a suis paribus* показываютъ, что раввинский судъ съ самаго начала не только не былъ явленіемъ ненормальнымъ и исключительнымъ, выражениемъ антигосударственныхъ стремленій евреевъ въ европейскихъ странахъ, какимъ силятся

представить его теперь нѣкоторые господа, а, напротивъ, быть простымъ примѣненіемъ къ еврейской жизни общихъ началь народной жизни того времени. Извѣстно, что весь судебный механизмъ средневѣковой Европы былъ построенъ на сословномъ принципѣ суда перовъ (равныхъ), по которому каждое лицо могло законно судиться только равными себѣ по общественному положенію лицами. Отсюда естественный выводъ, что евреи, какъ занимающіе совершенно особое положеніе въ странѣ, по справедливости, должны судиться только у своихъ собратьевъ по вѣрѣ, которые одни хорошо понимаютъ условія ихъ экономического и юридического быта, безъ чего правильный судъ невозможенъ. Далѣе, извѣстно, что по мѣрѣ ослабленія сословныхъ перегородокъ и различій, изъ суда перовъ выработались болѣе совершенныя формы суда общегосударственного (короннаго) и общенароднаго (суда присяжныхъ), вытѣснившія отжившій сословный элементъ въ судебнѣмъ организмѣ. Отсюда очевидно, что раввинская юрисдикція, какъ представительница идеи сословнаго суда перовъ, можетъ и должна уступить мѣсто болѣе развитымъ формамъ суда лишь по мѣрѣ того, какъ фактическая подкладка и первоначальная причина ея, т. е. гражданская обособленность евреевъ въ законѣ и дѣйствительной жизни, въ свою очередь станетъ однимъ воспоминаніемъ.

Во владѣніяхъ Рѣчи Посполитой право евреевъ судиться у своихъ выборныхъ судей и раввиновъ тоже признаваемо было неоднократно въ общихъ и специальныхъ грамотахъ королей польскихъ (см. Леонтовича, Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ, отд. I, стр. 39). Слѣдовательно, и тутъ раввинскій судъ имѣлъ свою формальную санкцію отъ государственной власти, а не дѣйствовалъ втайнѣ. Но это только внѣшняя сторона дѣла, и не эти постороннія причины дали жизнь и прочность суду раввиновъ, а его внутреннія качества, не утратившія своего значенія и по настоящее время. Чтобы подтвердить эту мысль, намъ придется вкратцѣ изложить сущность раввинского процесса, какимъ представляютъ его источники еврейского права. Процессъ этотъ основанъ на слѣдующихъ началахъ. Всякий судъ есть посредническій, воспринимающій свою силу въ добровольномъ со-

глашениі сторонъ; руководителемъ его является, слѣдовательно, не виѣшнее принужденіе, не физическая сила, а нравственная мощь, сознаніе самихъ сторонъ, что судъ есть выраженіе справедливости, которой нельзя не подчиниться. Послѣдствіемъ такого взгляда является то, что талмудъ признаетъ компетентными судьями не однихъ только законниковъ-фарисеевъ, но и простолюдиновъ, избранныхъ сторонами (съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы въ бесединѣ—коллегіи изъ трехъ лицъ—былъ одинъ законовѣдъ). Извѣстно, что начало соглашенія относительно выбора судей преобладаетъ у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени правового развитія: такъ оно было въ древнемъ Римѣ по изслѣдованіямъ Игеринга, такъ было и въ древней Руси (см. Дювернуа—Источники права и судъ въ древней Россіи). Слѣдовательно, судъ раввинскій не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего ненормального и страннаго. Какъ дальнѣйшее развитіе того-же начала является въ талмудѣ преобладаніе мироваго принципа въ судѣ. Во всякомъ положеніи дѣла судья обязанъ склонять стороны къ примиренію; даже въ томъ случаѣ, когда судья вполнѣ убѣжденъ въ правотѣ одной стороны, онъ обязанъ склонять ее къ уступкамъ въ пользу другой, дабы окончить дѣло компромисомъ вмѣсто судебнаго рѣшенія. Это оригинальное воззрѣніе вполнѣ объясняется всѣмъ характеромъ еврейскаго права, не признающаго строгаго разграниченія права отъ морали (разграничение, несостоятельность котораго все болѣе и болѣе сознается лучшими мыслителями нашего времени). Но если и римскіе юристы, послѣдовательно проводившіе отдѣленіе правовой сферы отъ нравственно-религіозной, поняли однакожъ, что безусловная законность есть высшая несправедливость (*summum jus—summa injuria*), то еврейскіе законоучители, которымъ мысль о подобномъ отдѣленіи должна была казаться святотатственной, еще болѣе были проникнуты сознаніемъ этой истины. «Отчего палъ Іерусалимъ?» — спрашивается талмудъ и даетъ на этотъ вопросъ многознаменательный отвѣтъ: «оттого, что жители его хотѣли все поставить на букву закона» (на строгомъ правѣ). При такихъ воззрѣніяхъ неудивительно, что примиреніе тяжущихся считается священной обязан-

ностю суды, а рѣшеніе по праву—печальной необходимости въ раввинскомъ процессѣ.

Изъ этого-же основнаго принципа добровольнаго подчиненія стороны судьѣ слѣдуетъ, что возможность творить судъ и расправу у евреевъ разсматривается не какъ право известныхъ лицъ, укрѣпляемое за ними общественной властью, а какъ обязанность всякаго свѣдущаго лица, къ которому стороны обращаются. Никто не можетъ отказаться отъ исполненія этой обязанности, если въ томъ мѣстѣ нѣть другаго, болѣе свѣдущаго лица. Но при этомъ обязанность судотворенія должна быть отправлена безвозмездно, какъ нравственно-религіозный долгъ. «Всякое рѣшеніе, постановленное за плату, недѣйствительно». Но такъ какъ обязанность изученія законовъ у евреевъ есть общегражданская, а не достояніе особаго класса специалистовъ, и потому законовѣдъ, удѣляя время для разбора тяжебъ, можетъ понести убытки въ своей профессіи, то судья можетъ, именно въ подобныхъ случаяхъ, требовать отъ стороны вознагражденія за этотъ *lucrum cessans*. Впрочемъ, уже въ 8 вѣкѣ неудобства этой безмездности дали чувствовать себя, и тогда было установлено завести въ каждой общинѣ особую кассу изъ постоянныхъ взносовъ всѣхъ членовъ ея для вознагражденія членовъ мѣстнаго суда.

Еврейское право не знаетъ раздѣленія суда на высшія и низшія инстанціи въ современномъ смыслѣ, но оно знаетъ различіе между компетентностью судилищъ, что обусловливается лишь степенью учености и опыта засѣдающихъ въ нихъ лицъ. Но отношенія между ними не опредѣляются съ точностью. Аппеляція допускается, но лишь подъ условіемъ предварительного исполненія обжалованного рѣшенія или обезпеченія отъ проигравшей стороны.

Разбирательство должно происходить словесно въ присутствіи сторонъ. По замѣчанію одного раввина (рабби Исаака бенъ Шешета), «изъ словесныхъ объясненій сторонъ судья часто непосредственно усматриваетъ гдѣ правда и гдѣ ложь; письменное же изложеніе старается скрыть ложь подъ риторическими изліяніями. Кляузничеству представляется широкое поле и стороны даютъ крюкотворцамъ с trapping себѣ бумаги не согласно съ истиной, а сообразно съ своими интересами».

Въ основаніи раввинского процесса, какъ можно замѣтить изъ представленныхъ нами данныхъ, лежитъ начало слѣдственное, подъ которымъ мы понимаемъ здѣсь обязанность самаго суда заботиться о достижениіи и въ гражданскихъ дѣлахъ не формальной, а материальной правды, въ противоположность обвинительному процессу, въ которомъ забота объ охраненіи интересовъ тяжущихся лежитъ на нихъ самихъ, а судъ заботится только о формально-справедливомъ разрѣшеніи гражданского спора на основаніи представленныхъ сторонами доказательствъ. Слѣдственный принципъ видѣнъ также въ томъ положеніи раввинского права, по которому самъ судъ, встрѣтивъ затрудненія въ разборѣ запутанного или возбуждающаго сложные юридические вопросы дѣла, отсылаетъ его къ высшему суду для разрѣшенія. Строгое примѣненіе начала устности и вытекающей изъ него непосредственной связи между сторонами и судомъ, какъ необходимаго условія для правильнаго сужденія о фактической сторонѣ судебнаго дѣла, приводить еврейскій процессъ къ оригиналному выводу: воспрещенію адвокатуры и вообще представительства на судъ. Дѣйствительно, если письменность въ процесѣ порицается раввинами, какъ удобное средство для замаскированія истины ябедничествомъ и риторикой, если словесныя объясненія сторонъ на судѣ разматриваются какъ лучшее средство для суды воспринять непосредственное, цѣльное и безъискусственное впечатлѣніе объ отношеніи тяжущихся между собой и къ спорному предмету,—то естественна забота раввиновъ оградить эти начала отъ постороннихъ элементовъ, ему враждебныхъ. Адвокатура является именно однимъ изъ тѣхъ юридическихъ явленій, которые находятся въ самомъ сильномъ разладѣ со всѣми началами раввинского суда. Она повсюду есть спутница полнаго разграничения права отъ морали и высокаго развитія законодательства и юриспруденціи. При существованіи адвокатуры немыслимо то непосредственное правдивое впечатлѣніе, которое судъ часто, выносить изъ объясненія самихъ сторонъ. Въ то время какъ тяжущійся, несвѣдущій въ законахъ и благоговѣющій предъ судомъ, въ большинствѣ случаевъ можетъ быть силенъ въ процессѣ только дѣйствительной справедливостью своихъ притязаній, адвокатъ по профессіи,

опытный въ судебныхъ дѣлахъ и разматривающій ихъ какъ ремесло, можетъ, при помощи формальныхъ юридическихъ remedіумовъ обвинить праваго и оправдать виноватаго. Отъ него нельзя ожидать признания въ ущербъ интересамъ своего довѣрителя, который самъ едва-ли имѣлъ-бы духу отрицать на судѣ и въ присутствіи противной стороны дѣйствительные факты. На очную ставку сторонъ и ея послѣдствія талмудъ очень много разсчитываетъ: (онъ принимаетъ за юридическую презумпцію, что «всякій человѣкъ предполагается не настолько испорченнымъ, чтобы отречься отъ своего долга въ присутствіи кредитора»). Понятно, что раввинское право, стремящееся къ осуществленію не отвлеченаго и само по себѣ безсодержательного идеала законности, а живой, конкретной справедливости, должно питать глубокое отвращеніе къ письменному процессу и адвокатурѣ.

Единственный видъ, подъ которымъ допускается (и то съ ограничениями) въ раввинскомъ судѣ представительство—это уступка тяжущимся своей претензіи въ собственность другому лицу, которое заступаетъ его мѣсто на судѣ. (Любопытно то обстоятельство, что въ этомъ отношеніи еврейское право представляетъ полное сходство съ древнѣйшимъ римскимъ правомъ, тоже недопускавшемъ представительства на судѣ иначе, какъ съ уступкой самаго спорнаго объекта въ видѣ *procuratio in re sua*).

Придавая такое огромное значеніе совмѣстному присутствію самихъ тяжущихся на судѣ, талмудъ предписываетъ судѣ не выслушивать объясненій одной стороны въ отсутствіи другой, такъ какъ онъ такимъ образомъ легко можетъ склониться на сторону присутствующаго. Въ предупрежденіи пристрастія судьи къ одному изъ тяжущихся постановлено, что онъ не долженъ помогать ни одной изъ сторонъ распросами и намеками. Но строгое проведеніе обвинительнаго начала, превращающаго судью въ безучастнаго и бессильнаго зрителя борьбы сторонъ, въ которой, какъ во всякой борьбѣ, сильный долженъ одолѣть слабаго, какъ мы уже замѣтили, было противно нравственно-религіозному характеру еврейскаго суда; поэтому раввины признаютъ, что если одна сторона, имѣя основательныя законныя возраженія, не можетъ ихъ формулировать и свя-

зать надлежащимъ образомъ, судья обязанъ ей помочь въ этомъ. Но это допускается лишь съ величайшей осторожностью, дабы судья не превратился въ защитника одной изъ сторонъ.

Для представлениі доказательствъ сторонамъ дается въ случаѣ надобности отсрочки (обыкновенно въ 30 дней). Но срокъ этотъ не имѣть рѣшительного вліянія (*peremptorium fatale*) на судьбу дѣла: если доказательства представлены по истечениіи срока и постановлениіи рѣшенія, послѣднее отмѣняется и дѣло возстанавливается въ прежнее состояніе. Рѣшеніе постановляется по большинству голосовъ, объявляется сторонамъ и по желанію ихъ излагается въ письменной формѣ.

Что касается системы доказательствъ необходимо замѣтить слѣдующее. Главную роль въ раввинскомъ процессѣ играютъ свидѣтельскія показанія и присяга. Свидѣтельскимъ показаніямъ, составляющимъ главное доказательство во всѣхъ тѣхъ системахъ права, которая по происхожденію своему суть чисто народныя, а не государственные и расчитаны на удовлетвореніе потребностей малограмотной и неразвитой народной массы, раввинскій процессъ придаетъ огромное значеніе. Показаніе двухъ свидѣтелей составляеть полное доказательство, которому судъ не можетъ не дать вѣры. Такимъ образомъ рядомъ съ активнымъ участіемъ суда въ раскрытии истины, въ раввинскомъ судопроизводствѣ существуетъ и другое коренное начало слѣдственнаго процеса—формальная теорія доказательствъ. Но творцы еврейскаго права, вводя это неизбѣжное послѣдствіе теократическихъ воззрѣній на право въ систему судопроизводства, не оставили безъ вниманія темныхъ сторонъ этого института. Отъ нихъ не ускользнуло во первыхъ то обстоятельство, что обязательность для суда показаній двухъ свидѣтелей, которымъ судъ обязанъ вѣрить, не смотря на полное убѣжденіе въ ихъ достовѣрности, противно интересамъ правосудія. Противъ этого еврейскій законъ принимаетъ мѣры къ ограниченію числа достовѣрныхъ свидѣтелей лишь лицами, нравственно и религіозно безупречными (не допускаются къ свидѣтельству на судѣ лица, явно преступившіе библейскіе религіозные запреты, занимающіеся безчестными промыслами, напр., ростовщичествомъ, шулерствомъ

и т. п., присвоившіе себѣ отданнія имъ на сохраненіе вещи, обвиненные въ лжеприсягѣ и лжесвидѣтельствѣ и др.). Конечно, при современномъ состояніи общественной жизни подобныя правила неосуществимы, несправедливы и несогласны съ интересами правосудія. Но не надобно упустить изъ виду, что раввинское право не имѣло ни значенія, ни характера системы законодательства, пред назначенной для цѣлого государства въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. Оно расчитано на тѣсный кругъ немногочисленной общины съ преобладающимъ религіознымъ характеромъ, гдѣ многое непрактичное и несправедливое съ точки зрењія государственного законодательства оказывается и легко осуществимымъ, и справедливымъ.

Съ другой стороны еврейскіе законоучители поняли, что требование двухъ достовѣрныхъ и во всемъ съ собою согласныхъ свидѣтельскихъ показаній нерѣдко можетъ служить въ ущербъ вполнѣ законнымъ имущественнымъ интересамъ лицъ, не могущихъ представить подобныхъ свидѣтелей. Какъ ремедіумъ противъ этого недостатка служить весьма широкая по еврейскому праву власть судьи судить по своему усмотрѣнію согласно конкретнымъ условіямъ каждого дѣла (такъ называемое шуде дедайни). Это право судьи рѣшать дѣла въ противность положительнымъ нормамъ закона, если этого требуетъ справедливость и внутреннее убѣженіе суда, служить въ раввинскомъ процессѣ могущественнымъ коррективомъ недостаковъ строгой законности и формальной справедливости, недостаковъ присущихъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ правовымъ системамъ, но нигдѣ не обойденныхъ такъ успешно, какъ въ раввинскомъ процессѣ. Кажущееся противорѣчіе между этимъ широкимъ просторомъ судебнаго учрежденія и системой формальныхъ доказательствъ, господствующей въ еврейскомъ правѣ, объясняется, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ образомъ. Теорія формальныхъ доказательствъ есть институтъ древнѣйшаго еврейскаго права и ведеть свое начало отъ моисеева законодательства и потому удержалась до сихъ поръ въ уголовномъ еврейскомъ законодательствѣ, которое давно уже утратило практическую силу, а слѣдовательно и возможность измѣненій и усовершенствованій, вслѣд-

ствіе отнятія у раввиновъ уголовной юрисдикції еще во времена древней римской имперіи. Другая участь постигла гражданскій процессъ въ силу того обстоятельства, что за раввинами оставлено было право разбирать гражданскія тяжбы: онъ продолжалъ развиваться и усовершенствоваться сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ и указаніямъ опыта о недостаткахъ того или другого учрежденія. Однимъ изъ такихъ улучшений, которыхъ таки довольно много въ еврейскомъ правѣ, и представляется развитіе судейской власти въ оцѣнкѣ доказательствъ и объясненій сторонъ, какъ необходимое противодѣйствіе недостаткамъ системы формальныхъ доказательствъ.

Относительно присяги, какъ самостоятельного доказательства въ процессѣ, надобно замѣтить, что ученіе о ней по талмудическому праву тоже есть значительный шагъ впередъ сравнительно съ моисеевымъ законодательствомъ. При слабомъ развитіи письменности и строгости требованій относительно свидѣтельскихъ показаній, судебный механизмъ еврейского міра часто долженъ оказаться весьма недостаточнымъ и несовершеннымъ по вопросу о судебныхъ доказательствахъ. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ раввинское право прибѣгло къ присягѣ, давъ ей чрезвычайно широкое примѣненіе въ качествѣ воспомогательного доказательства на судѣ. Присяга именно допускается раввинами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правовые основанія сторонъ недостаточно сильны для того, чтобы доставить легальное доказательство, но производятъ внутреннее убѣжденіе суда въ ихъ справедливости. Такъ присяга дается отвѣтчику когда противъ него есть половинные доказательства (напр., когда истецъ представилъ въ свою пользу одного свидѣтеля, когда отвѣтчикъ призналъ часть иска). Истцу присяга тоже дается во многихъ случаяхъ (напр., когда возраженія отвѣтчика могутъ съ вѣроятностью быть объяснены ошибкой; когда онъ выставляетъ свои возраженія не какъ положительные данные, а какъ возможные; когда отвѣтчикъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ, не можетъ быть допущенъ къ присягѣ, слѣдующей ему по обстоятельствамъ дѣла; когда истецъ представляетъ въ свою пользу не прямая доказательства, но косвенные улики). Новѣйшія законодательства, исходя изъ началъ обвинительнаго процеса и заботы суда лишь о формальной правѣ (по крайней мѣрѣ

въ гражданскихъ дѣлахъ), разрѣшаютъ всѣ подобные случаи на основаніи общаго правила, по которому каждый изъ тяжущихся самъ обязанъ доказать свои объясненія и самъ несетъ отвѣтственность за ихъ недоказанность (*onus probandi incumbit actori*). Но и стремленіе къ раскрытию не одной формальной, но и материальной правды, не могъ удовлетвориться этой беспощадной строгостью въ отношеніи представленія доказательствъ, которая такъ часто ведетъ къ разладу между законностью и справедливостью, и потому предоставилъ суду такія смягчающія супроводъ закона прерогативы, какъ сужденіе по усмотрѣнію и присяга сторонъ.

Такимъ-же важнымъ ремедіумомъ противъ дурныхъ послѣдствій отъ коллизіи общихъ началъ права съ отдѣльными жизненными случаями служитъ въ раввинскомъ процесѣ признаніе мѣстныхъ законовъ и обычаевъ. Новѣйшія доказательства признаютъ за одной государственной властью привилегію установлять правовые нормы и потому значительно стѣсняютъ силу обычая, какъ выраженія правового сознанія самаго общества, и вовсе не допускаютъ установленія законовъ мѣстными учрежденіями и властями. Раввинскому-же праву, какъ праву развивающемуся среди народа лишенаго самостоятельности государственной, совершенно чуждо централизационное начало и потому оно признаетъ за самими общинами власть издавать обязательные для своихъ членовъ законы въ сфере гражданского права, а еще болѣе придаютъ значенія юридическимъ обычаямъ. «Обычай евреевъ есть законъ», и «обычай отмѣняетъ законъ»—это основныя начала еврейского права. Достоинство-же обычая, какъ и мѣстного закона, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что будучи приспособлены къ мѣстнымъ и времененнымъ условіямъ, они рѣже чѣмъ общіе законы приходятъ въ столкновеніе съ требованиями практической необходимости и живаго чувства справедливости въ примѣненіи общихъ нормъ къ отдѣльнымъ случаямъ.

Сводя итоги всѣмъ отдѣльнымъ признакамъ, характеризующимъ раввинскій судъ какъ особенное учрежденіе, мы вправѣ, кажется, сдѣлать изъ нихъ слѣдующій выводъ объ историческомъ смыслѣ еврейского самосуда. Раввинскій судъ удержался въ теченіе столь-

кихъ вѣковъ и пріобрѣлъ популярность не только между евреями, но и среди не-евреевъ, не благодаря кагальной злоказненности, какъ утверждаетъ г. Брафманъ и его ученики, а въ силу своихъ внутреннихъ качествъ и достоинствъ.

Совершенное изгнаніе письменности изъ процеса, господство примирительного начала и справедливости надъ строгой законностью, отсутствіе всякихъ формальностей и стѣснительныхъ процессуальныхъ правилъ, преобладаніе въ системѣ доказательства не письменныхъ актовъ, а наиболѣе доступныхъ для простаго народа свидѣтельскихъ показаній и присяги, недопущеніе адвокатуры и ябедничества — все это такія качества, которыя должны были магически увлекать всякую народную массу, не только еврейскую, и сдѣлать раввинскій судъ дешевымъ, скорымъ, общедоступнымъ и справедливымъ судомъ для всѣхъ къ нему обращающихся. Мы вовсе не думаемъ рекомендовать этимъ раввинскій процессъ для всеобщаго употребленія при существующихъ теперь въ цивилизованномъ мѣрѣ условій общественной и государственной жизни: мы очень хорошо знаемъ, что тѣ начала судоустройства и судопроизводства, которыя приняты въ раввинскомъ правѣ, оказались бы вполнѣ несостоятельными, еслибы перенести ихъ цѣликомъ въ другую, чуждую имъ сферу государственного законодательства. Но наша цѣль была совсѣмъ другая: мы хотѣли уяснить тѣ реальные причины, которыя дали живучесть и популярность раввинскому суду, не смотря на отсутствіе той внѣшней, принудительной силы, на которую обыкновенно опирается всякий судъ въ своей дѣятельности. И читатель, мы думаемъ, согласится, что тѣ не-евреи, которые въ древней Сиріи и Византіи, средневѣковой Германіи и Бѣлоруссіи добровольно, обращались къ раввинскому трибуналу за разрѣшеніемъ гражданскихъ споровъ и также добровольно подчинялись ихъ рѣшеніямъ, вовсе не были такъ «малосмысленны», какъ полагаютъ Хризостомъ, Державинъ, «Голосъ» и другіе.

Съ другой стороны мы приходимъ къ заключенію, что раввинскій судъ самъ собою потеряетъ жизненную силу по мѣрѣ усовершенствованія общаго судебнаго строя страны. Это вполнѣ подтверждается замѣченіемъ на всемъ югѣ Россіи сильнымъ уменьшеніемъ

судебной дѣятельности раввиновъ со времени введенія новаго суда; взамѣнъ этого новые суды буквально запружены дѣлами евреевъ, что обусловливается промышленными ихъ занятіями, производящими значительное количество споровъ и тяжебъ. Этотъ живой, осознательный фактъ, по нашему мнѣнію, гораздо убѣдительнѣе той мертвѣчины Богъ вѣсть откуда выкопанного архивнаго хлама, на которомъ строятъ свои воздушные замки г. Брафманъ съ товарищами.

О ЗАМКНУТОСТИ ЕВРЕЕВЪ *).

Упрекъ въ замкнутости есть одинъ изъ тѣхъ, которые охотнѣе всего дѣлаются евреямъ, кстати или некстати. Какъ только зайдеть рѣчь объ эманципаціи евреевъ, о расширеніи ихъ гражданскихъ правъ, помянутый упрекъ не заставляетъ себя ждать. На первый планъ выступаютъ слова: «отчужденность», «сосредоточенность», «status in statu» и т. п. выраженія, которыя въ сущности ничего не выражаютъ, но которыя сильно нравятся людямъ, чувствующимъ какое то нерасположеніе къ евреямъ.

Что же возражаютъ на это защитники евреевъ? Они указываютъ обыкновенно на тѣ историческія причины, развитіемъ которыхъ обусловливалась эта вѣковая замкнутость евреевъ. Далѣе они указываютъ на западную Европу, гдѣ почти вездѣ евреи слились съ главнымъ населеніемъ и мало чѣмъ отъ него отличаются. Противъ обоихъ этихъ аргументовъ противники евреевъ выставляютъ возраженія, не лишенныя основаній. Такъ они говорятъ, что историческое объясненіе происхожденія какого-нибудь жизненнаго явленія не мѣшаетъ этому явленію возбуждать въ насъ недовѣріе и даже отвращеніе, когда оно дѣлается вреднымъ. Примѣръ евреевъ въ другихъ странахъ столь же мало убѣдителенъ для нихъ. Исторія евреевъ—говорятъ они—показываетъ намъ, что въ каждой странѣ

---

*) Слѣдующія статьи принадлежатъ къ первымъ литературнымъ опытамъ автора. Включая эти статьи въ настоящій томъ, мы руководствовались преимущественно мыслью о значеніи ихъ для біографіи покойнаго И. Г. Оршанскаго.

Издатель.

судьбы евреевъ развивались особымъ путемъ, сообразно съ мѣстными условіями. Аналогію нельзя принять здѣсь за надежнаго руководителя. Такимъ образомъ, помимо этихъ шаткихъ аргументаций, полная отчужденность еврейской жизни признается всѣми за фактъ абсолютный, неподлежащий никакому сомнѣнію. Но дѣйствительно ли эта обособленность такъ безусловна? Дѣйствительно ли между міромъ еврейскимъ и нееврейскимъ не было никогда никакого духовнаго общенія? Нельзя ли указать на какія нибудь точки соприкосновенія между ними? Вотъ вопросы, которые должны цѣть высокой интересъ для каждого мыслящаго человѣка; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованіе вліянія, которое оказываютъ различныя, даже враждебныя группы человѣчества однѣ на другія при своемъ столкновеніи,—есть одна изъ поучительнейшихъ задачъ соціальной науки. Но для нась, русскихъ евреевъ, поставленные вопросы имѣютъ еще высокое практическое значеніе. Отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія ихъ зависить уничтоженіе ложныхъ и вредныхъ для нась предразсудковъ въ средѣ русскаго общества. Эти то обстоятельства побудили меня собрать и изложить здѣсь тѣ немногія данныя, схваченные мною изъ еврейской жизни, которая при всей своей немногочисленности достаточно—надѣюсь—покажутъ читателю, какъ далеко отстоитъ дѣйствительность отъ того, что обыкновенно выдается за нее людьми, руководимыми духомъ партіи и предразсудковъ.

I. Языкъ народа безспорно есть вѣриѣшее мѣрило и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ исключительности и своеобразности его национального развитія. Посредствомъ живой рѣчи скорѣе или легче всего совершаются обмѣнъ мыслей, чувствъ и воззрѣній межу разнородными массами людей, а слѣдовательно—и великое дѣло ассимилированія этихъ массъ. И на оборотъ: ничто такъ не способствуетъ застою въ народной жизни, какъ невозможность прийти въ столкновеніе съ другими, болѣе живительными сферами жизни, а эта новозможность въ значительной мѣрѣ обусловливается особностью языка. Вотъ отчего то обстоятельство, что русскіе евреи говорятъ особымъ діалектомъ, такъ часто выдвигается, когда дѣло идетъ о замкнутости евреевъ. Составляя ко-

некъ противниковъ евреевъ, эта сторона вопроса есть ахиллесова пятка тѣхъ, которые волей не волей должны защищать евреевъ противъ возводимыхъ на нихъ обвиненій, и всегда приводить защитниковъ въ большое замѣшательство.

Что же говорять намъ объ этомъ факты? Они показываютъ намъ, что вездѣ, гдѣ положеніе евреевъ улучшилось и ихъ соприкосновеніе съ другими классами населенія дѣлалось ближе и постояннѣе, тамъ евреи довольно быстро забывали свой особый діалектъ и усвоивали себѣ языкъ господствующаго народа.

Недавно г. Гаркави издалъ монографію «О языке евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси», въ которой доказываетъ, что когда то евреи въ славянскихъ странахъ употребляли славянскіе языки. Но какъ видно изъ самаго заглавія его труда, а также изъ изложеннаго его содержанія въ «Гакармелѣ»,—самаго изслѣдованія я еще не видѣлъ,—онъ коснулся только древняго періода. Что же касается болѣе новаго времени, то я обращаю вниманіе читателя на слѣдующіе факты.

Извѣстный еврейскій писатель И. Б. Левинсонъ въ своемъ сочиненіи «Теуда Бенсраиль» (Вильна, 1855, стр. 35 въ прим.) говоритъ: «отцы наши рассказывали намъ, что въ прежнее время евреи въ этомъ (южно-русскомъ) kraю говорили только по русски. Жаргонъ же, на которомъ говорятъ теперь здѣсь евреи, тогда не былъ распространенъ». Г. Гаркави (Гакармель, IV, 255) считаетъ это темнымъ преданіемъ, между тѣмъ какъ это—фактъ, извѣстный по разсказамъ старожиловъ каждому южно-русскому еврею. Но Левинсонъ склоненъ возвести этотъ фактъ къ эпохѣ первого поселенія евреевъ въ славянской землѣ, что мнѣ кажется натянутымъ. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю сомнѣніе г. Гаркави. Другое весьма компетентное свидѣтельство, и притомъ уже не о южномъ, а о сѣверномъ kraѣ, мы имѣемъ въ автобіографіи знаменитаго литовскаго выходца второй половины прошлаго вѣка, Соломона Маймона, который упоминаетъ «о евреяхъ изъ простаго народа, говорившихъ по русски»¹).

¹) Не имѣя подъ рукой сочиненія С. Маймона, я ссылаюсь на свидѣтельство г. О. Воля (прилож. къ Гакармелю, г. 5-й № 31).

Но, кроме этихъ книжныхъ свидѣтельствъ, есть еще другія, гораздо болѣе важныя и менѣе подлежащія оспариванію. Они живутъ въ устахъ еврейскаго народа. Я разумѣю здѣсь не отдельныя слова славянскаго происхожденія, которыя примѣшались къ еврейско-нѣмецкому жаргону:—простое усвоеніе словъ есть самая низшая ступень принятія чужаго языка;—но памятники еврейской мысли на русскомъ языкѣ. Сюда отношу я русскія пословицы и поговорки, весьма употребительныя у евреевъ и очевидно еврейскаго происхожденія. Такъ напр. мною записана пословица: «Богъ знаетъ, кому креинкъ дае». Вставка еврейско-нѣмецкаго слова Kränk (бѣды, болѣзни) указываетъ на еврейское происхожденіе этой поговорки. Отъ малорусскаго еврея можно еще теперь слышать разсказъ о томъ, какъ арендаторъ (еврейскій типъ грубости и невѣжества) заставилъ своего сына учиться Мишнаесь (Mischnaioth—основной текстъ талмуда), при чемъ тотъ обратился къ книгѣ съ слѣдующими словами:

Мишнаесь, Мишнаесь,
Я тебе не знаю,
Ты мене не знаешь!

Подобныхъ фактовъ можно было бы собрать множество человѣку, болѣе меня знакомому съ еврейскимъ бытъ.

Это усвоеніе евреями русскаго языка шло особенно успѣшно въ Малороссіи, гдѣ положеніе евреевъ было несравненно лучше, чѣмъ въ Западномъ краѣ. Тѣмъ не менѣе, сколько мнѣ известно, и теперь есть не мало такихъ уголковъ въ Западномъ краю и Малороссіи, гдѣ евреи говорятъ почти чистымъ русскимъ нарѣчіемъ. Мнѣ известно также, что многіе изъ тѣхъ евреевъ, которые подъ разными предлогами живутъ во внутренности Россіи, совсѣмъ забыли свой жаргонъ и вообще сдѣлались настоящими русскими, даже по складу мыслей и образу жизни. Понятно, чего слѣдуетъ ожидать отъ окончательного водворенія евреевъ на коренной русской почвѣ. Наконецъ, слѣдуетъ указать на влияніе бѣлорусскаго нарѣчія на языкъ тамошнихъ евреевъ. Это влияніе не только въ заимствованіи многихъ словъ, дѣлающихъ иногда рѣчь бѣлорусскаго еврея

непонятно для южнорусского, но и въ примененіи отличительныхъ свойствъ бѣлорусского языка къ еврейско-немецкому жаргону. Такъ напр. частое замѣненіе буквой ць буквы ч, с—т и т. п.

II. Изъ совокупности указанныхъ фактовъ видно, что вездѣ, гдѣ это только возможно, евреи съ радостью отрекаются отъ своей упорной замкнутости, примыкаютъ къ коренному населенію и усваиваютъ себѣ его языкъ. Но это примыканіе не остановилось на одномъ усвоеніи языка, этой виѣшней оболочки мысли. Крестьянство, какъ ни страннымъ покажется это многимъ, имѣло сильное влияние и на умственную сферу евреевъ. Особенно сильно было это влияніе въ Малороссіи. Столь богато развитая малоруссами область народныхъ вѣрованій и убѣждений почти цѣликомъ перешла къ жившимъ среди нихъ евреямъ. Еврейское дитя, точно также какъ и малорусское, воспитывалось на фантастическихъ сказкахъ той-же самой чисто русской няни. Я самъ слышалъ отъ еврейской ста-рухи много такихъ сказокъ о царяхъ, богатыряхъ и змѣяхъ, которыя я потомъ находилъ въ сборникахъ народно-русскихъ сказокъ, почти безъ всякой перемѣны. Иногда,—и это еще сильнѣе показываетъ, какъ глубоко прониклись евреи русскими вѣрованіями,—какоенибудь русское сказаніе ходить между евреями въ приспособленной къ еврейскому быту формѣ; какъ напр. мнимыя чудеса какогонибудь колдуна приписываются цадику, и т. п. Это заимствованіе простирилось на чисто бытовая русскія воззрѣнія. Еще недавно мнѣ привелось слышать отъ малорусского еврея разсказъ о томъ, какъ два немца, лекарь и астрономъ, пустились въ Россію искать счастья; какъ они зашли къ одному мужику ночевать; мужикъ изумилъ ихъ практическимъ знаніемъ медицины и астрономіи;—послѣднюю—по примѣтамъ на быкѣ; пристыженные немцы должны были удалиться восвояси. Выраженное въ этомъ разсказѣ сознаніе превосходства крестьянства надъ немцами ясно указываетъ на чисто русское происхожденіе его; и то обстоятельство, что подобный разсказъ нашелъ для себя доступъ и даже сочувствіе въ еврейской средѣ, указываетъ на то, какъ мало, въ сущности, замкнута была эта среда для виѣшнихъ влияній.

Евреи не остались равнодушными и къ произведеніямъ народ-

ной русской поэзии. Извѣстный стихъ о богатомъ и убогомъ Лазарѣхъ, принадлежащій къ числу тѣхъ немногихъ духовныхъ стиховъ, которые пѣлись не одними «кальками-переходящими», а сдѣлались достояніемъ всего русского народа,—стихъ этотъ нашелъ почетное мѣсто и въ еврейской сфере. Причину этого нужно искать какъ въ указанной уже популярности его между русскими, такъ и въ высокомъ, моральномъ достоинствѣ его содержанія. Само собою разумѣется, что еврейскіе пѣвцы стиха не оставили безъ перемѣны нѣкоторыхъ чисто-христіанскихъ чертъ его. Вообще, стихъ въ еврейской редакціи подвергся многимъ измѣненіямъ. Такъ напр., убогій братъ названъ Авраамомъ; при исчислении грѣховъ богатаго Лазаря указывается на грѣхи чисто-еврейскіе. Тѣмъ не менѣе евреи извѣстно христіанское происхожденіе стиха.

Мною записана со словъ малорусской еврейки пѣсня на малорусскомъ языке, въ которой за каждымъ періодомъ слѣдуетъ двустишие на еврейскомъ жаргонѣ. Содержаніе этой пѣсни составляютъ жалобы снохи на жестокое обращеніе съ нею свекрови,—сюжетъ, довольно часто встречающійся въ народныхъ пѣсняхъ еврейскихъ, также какъ и въ русскихъ,—и упреки, дѣлаемые снохѣ свекровью въ томъ, что она не хозяйка. Я не могъ допытаться, сложена ли сама пѣсня евреями (что указывало бы на значительную степень усвоенія ими русского языка), или же она заимствована ими отъ русского населенія, а потомъ вставленъ былъ и еврейскій рефренъ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать на отношеніе евреевъ къ народной русской музыке. Евреи, которые вообще, какъ извѣстно, большіе охотники до музыки, питають глубокое сочувствіе къ симпатичной, полной трогательного чувства малорусской музыке. Не только евреи страстные охотники слушать чумацкія пѣсни, но они всячески стараются перенять ихъ, даже въ синагогальную музыку. Нерѣдко, въ какомънибудь нигунѣ (мелодіи къ молитвамъ) можно разслышать мотивы, которыми «кобзарь» аккомпанируетъ на своемъ национальномъ инструментѣ какуюнибудь казацкую «думу».

III. Усвоивъ себѣ многія изъ сторонъ духовной жизни русского населенія, евреи пошли дальше и переняли много изъ ихъ быта. Но перенять у коренного населенія его образъ жизни,

его занятія евреи не могли: разныя обстоятельства насильно удерживали ихъ въ сферѣ торгашества и паразитизма. Евреи заимствовали изъ русского быта значительное количество предразсудковъ и суевѣрій, имѣвшихъ большое вліяніе на весь ходъ ихъ жизни. Сюда относятся: 1) Вѣра въ чудодѣйственные силы цѣленія колдуновъ. Мнѣ известно много примѣровъ отправленія къ такимъ колдунамъ еврейскихъ больныхъ изъ дальнихъ краевъ. Изъ нихъ немногіе возвращались живьемъ домой. 2) Употребленіе «привередныхъ» зелей, при господствѣ системы раннихъ и насильтственныхъ браковъ, и неизбѣжныхъ поэтому несчастіяхъ въ семейной жизни, сдѣлало быстрые успѣхи между южно-русскими евреями. Сюда же относится заимствованіе народной русской демонологіи—особенно вѣра въ домовыхъ почему-то пришлась по душѣ евреямъ. Евреи переняли также отъ русскихъ много невинныхъ обычаевъ и житейскихъ понятій. Такъ напр. обычай осыпанія хмѣлемъ новобрачныхъ и нѣкоторые другие свадебные обычай, вѣра въ то, что «кто рождается въ сорочкѣ—счастливъ» и т. п. Очевидно, что не изъ Палестины и даже не изъ Германіи привезли съ собой евреи эти понятія и обычай, а постепенно усваивали ихъ себѣ изъ окружающей русской жизни.

Читатель замѣтилъ, конечно, къ какимъ любопытнымъ и поучительнымъ результатамъ приводятъ подобного рода изслѣдованія. Но дѣлаетъ ли ихъ кто-нибудь у насъ? Образованный европеецъ съ трудомъ повѣритъ, что во всей русско-еврейской литературѣ, довольно значительной ужъ теперь,—мы едва можемъ указать на нѣсколько сочиненій, касающихся дѣйствительной жизни русскихъ евреевъ. Чему приписать такое странное явленіе? Дѣло въ томъ, что при томъ особомъ положеніи, въ какомъ поставлены были евреи въ Россіи, тѣ немногіе изъ нихъ, которымъ послѣ неимовѣрныхъ усилий удалось вырваться изъ заколдованного круга еврейской жизни и достигнуть европейского образованія, не только не думали о томъ, чтобы «повѣдать миру» о юдели горести и униженія, изъ которой они вышли, но, что весьма естественно, старались забыть о ней совершенно. Болѣе же многочисленный въ еврейской средѣ классъ самоучекъ, воспитанныхъ преимущественно на новоеврейской ли-

тературѣ, питая втайнѣ такое-же отвращеніе къ окружающей ихъ жалкой дѣйствительности, рѣдко высказываютъ слово истины о еврейской жизни. Только теперь, въ болѣе образованной части еврейской молодежи, начинаетъ проявляться болѣе свободный и раціональный взглядъ на еврейство. Отъ подростающаго теперь поколѣнія, которому суждено осуществить великое дѣло обрушеннія нашихъ единоплеменниковъ, мы вправѣ ожидать, между прочимъ, и всесторонняго серьознаго обсужденія, путемъ печатнаго слова, судебъ еврейскаго народа въ Россіи.

Будемъ ждать и надѣяться!